

О ФАКТОРАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук; доцент Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия. E-mail: hist1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению факторов исторического процесса – движущих сил истории. Хотя различные исследователи упоминают значительное число факторов, реальный механизм действия прослежен лишь для немногих движущих сил истории. К числу этих немногих факторов принадлежат демографический и технологический факторы (последний из них определяет также развитие экономики). Роль демографического фактора рассматривается в рамках неомальтузианской демографически-структурной теории. Роль технологического фактора описывается группой теорий, объединяемых концепцией диффузионизма. Комбинация этих концепций делает возможным более полное объяснение исторического процесса.

Ключевые слова: факторы исторического процесса, неомальтузианство, демографически-структурная теория, диффузионизм, теория «военной революции».

ABOUT THE FACTORS OF THE HISTORICAL PROCESS

Nefedov Sergey A., Doctor of Historical Sciences; Associate Professor at the Institute of History and Archeology UB RAS. Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of factors of the historical process. Although various researchers mention a significant number of factors, the actual mechanism of action is traced only for a few of them. Demographic and technological factors are among these few factors (technology determines the development of the economy as well). The role of the demographic factor is considered in the framework of the neo-Malthusian demographic-structural theory. The role of the technological factor is described by a group of theories united by the concept of diffusionism. The combination of these concepts makes possible a more complete explanation of the historical process.

Keywords: factors of the historical process, neo-Malthusianism, demographic-structural theory, diffusionism, the theory of “military revolution”.

Создание объяснительных моделей исторического процесса было целью для многих поколений историков. Начиная с Геродота и Фукидида, исследователи пытались обобщить исторический материал и вывести общие закономерности описываемых событий. В начале XIX в. основатель позитивизма Огюст Конт обещал доказать, что «существуют законы развития общества, столь же определенные, как и законы падения камня» [цит. по: Вайнштейн, 1979, с. 8]. Но так ничего и не доказал. После этой неудачи настало время пессимистических настроений. В конце XIX столетия великий историк Эдуард Мейер признавался, что в течение многолетних исследований ему не удалось открыть ни одного исторического закона – и он не слышал, чтобы это удалось другим. Теодор Моммзен считал, что историк является скорее художником, чем ученым, что история – разновидность искусства; этого же мнения придерживались Токвиль, Тревельян и Лев Гумилев. «История – еще не наука, – говорил Бертран Рассел, – ее можно заставить казаться наукой лишь с помощью фальсификаций и умолчаний» [Huxley, 1960, p. 145]. «История имеет глубокий смысл, – писал Карл Ясперс, – но он недоступен человеческому пониманию» [Уколова, 1996, с. 12].

Однако к началу XXI в. положение изменилось. «...В мировой науке, прежде всего американской и западноевропейской, за последние десятилетия накоплен солидный и почти еще не востребованный в нашем социально-философском и историческом познании багаж научных результатов, – отмечает

известный исследователь Н.С. Розов, – а главное – резко возрос интеллектуальный потенциал подходов, методов, концепций, понятий, касающихся теоретического описания социальных систем и их исторического развития» [Розов, 2002, с. 35].

Еще Аристотель сказал, что наука есть познание причин. Главные причины, обуславливающие исторические события, называют движущими силами истории или факторами исторического процесса. Хотя различные исследователи упоминают значительное число факторов, реальный механизм действия прослежен лишь для немногих движущих сил истории. К числу этих немногих факторов принадлежат демографический и технологический факторы (последний из них определяет также развитие экономики) [Алексеев, 2005, с. 16–21].

Относительно недавние успехи исторической социологии и, в частности, создание демографически-структурной теории Джека Голдстоуна и исследования Уильяма Мак-Нила позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать действие указанных факторов.

Начало исследования роли демографического фактора в историческом процессе связано с именем Томаса Роберта Мальтуса. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования» [Мальтус, 1993, с. 22]. Поэтому рост населения приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы

и в уменьшении потребления. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет замедление роста, а затем его приостановку и сокращение населения до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увеличивается – но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения» [Мальтус, 1993, с. 9, 18–22].

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Ж.Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской [Рикардо, 1955]. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о демографических циклах. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом.

В 1935 г. немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII – начале XIV в., сменившийся затем падением цен в XV в. и новым ростом в XVI – начале XVII в. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо; таким образом, было доказано существование демографических циклов в истории Европы.

Работы В. Абеля нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Тема мальтузианской цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Поста́на [Postan, 1972], Б. Слихера ван Бата [Slicher van Bath, 1963], Р. Мунье [Mousnier, 1965], К. Чипполла [Cippolla, 1976], Д. Гласса и Д. Эверслея [Glass, Eversley, 1965] и других авторов. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре [Meuvret, 1946], П. Губера [Goubert, 1960], Ж. Дюби [Dubu, 1968], Э. Лабрусса, Ф. Броделя [Braudel, Labrousse, 1979], Э. Ле Руа Ладюри [Le Roy Ladurie, 1966], П. Шоню [Chaunu, 1984]. В 1979 г. вышел в свет фундаментальный труд Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках» [Braudel, 1979].

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Фернан Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным... Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта

истина, бывшая банальной вплоть до XVIII в., и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием... Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду – с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной» [Там же, р. 42, 43].

В 70–80-е гг. XX в. учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши (*carring capacity*). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находящихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием технологического фактора. Это влияние особенно сказывается в современных развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и XVII вв., исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира [Grigg, 1980].

В 1976 г. известный историк и экономист Рондо Камерон в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общее признание [Cameron, 1976, р. 32]. Эта теория, в частности, стала составной частью концепции мир-систем Иммануила Валлерстайна [Wallerstein, 1974, 1989].

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна [Goldstone,

1991]. В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру – «народ», «государство» и «элиты» – анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост элиты в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и капиталов, то есть оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания [Goldstone, 1991, p. 6, 7].

Для государства рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства, в конечном счете, приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства [Там же, p. 24, 25].

Демографически-структурная теория уделяет особое внимание так называемым трансформациям структуры «государство-элита-народ». Трансформация структуры – это качественное изменение элементов, составляющих структуру, а также изменение принципов их взаимодействия (например, установление крепостного права). Трансформации структуры приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов, которое иногда порождает социальные кризисы – мы будем называть эти кризисы структурно-демографическими или просто структурными [Нефедов, 2005, с. 38]. В некоторых случаях трансформации структуры и структурные кризисы могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории – но не всегда. Поэтому в этом пункте (так же, как в вопросе о расширении экологической ниши) возникает необходимость рассмотрения роли других, недемографических факторов в механизме демографического цикла.

Мальтузианское описание демографического цикла подразумевает естественное деление демографического цикла на фазы, характеризующиеся различной динамикой населения, цен и реальной заработной платы. Опираясь на исследование Э. Ле Руа Ладюри, Д. Григга и Дж. Голдстоуна можно привести следующее описание фаз демографического цикла [Там же, 2007, с. 99–102].

Для фазы роста (или фазы восстановления после предшествующего кризиса) характерны следующие явления: наличие свободных земель, удобных для возделывания; быстрый рост населения; рост посевных площадей; в начале периода – низкие цены на хлеб; тенденция к постепенному росту цен; высокая реальная заработная плата и относительно высокий уровень потребления, но при этом – тенденция к постепенному понижению реальной заработной платы и уровня потребления; низкий уровень земельной ренты;

тенденция к постепенному повышению уровня ренты; относительно низкий уровень государственной ренты (налогов); строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений; относительно ограниченное развитие городов; относительно ограниченное развитие ремесел; незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Для фазы Сжатия характерны: отсутствие доступных крестьянам свободных земель; крестьянское малоземелье; высокие цены на хлеб; низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения; демографический рост, ограниченный ростом урожайности; высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы; частые эпидемии; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; попытки увеличения продуктивности земель; переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции; ввоз продовольствия из других стран (или районов); попытки расширить территорию путем завоеваний; непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты; фрагментация элиты; борьба за статусные позиции в среде элиты; ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между элитой и государством; попытки оппозиционных государств фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям; финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у многих крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису.

Для фазы экосоциального кризиса характерны: голод, принимающий широкие масштабы; широко-масштабные эпидемии; в конечном итоге – гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы; государственное банкротство; потеря административной управляемости; широко-масштабные восстания и гражданские войны; брейкдаун – разрушение государства; внешние войны; разрушение или запустение многих городов; упадок ремесла; упадок торговли; очень высокие цены на хлеб; низкие цены на землю; гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности; социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую монархию – автократию, практикующую государственное регулирование и не допускающую развития крупной частной собственности.

Первым исследователем, указавшим на перспективность использования демографически-структурной теории для объяснения российской истории был известный американский русист Честер Даннинг. Изучая причины российского кризиса начала XVII в., Ч. Даннинг указал на явления, совпадающие с характерными признаками государственного кризиса по Голдстоуну: на рост населения, сопровождаемый ростом цен, на финансовый кризис государства, на обеднение, раскол и фракционирование элиты. Отмечая необходимость более подробного исследования этого вопроса, Ч. Даннинг сделал вывод о том, что, «как кажется, модель Голдстоуна применима для России» [Dunning, 1997, p. 582–585].

В монографии «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России» автором был проведен соответствующий анализ для двух циклов российской истории (первый из них закончился «Великой Смутой», а второй – революциями 1905–1917 гг.). При этом было показано, что практически все описанные выше характерные признаки различных фаз демографического цикла реально фиксируются историческими источниками [Нефедов, 2005].

Позднейшие исследования в области демографически-структурной теории связаны с работами международной «клиодинамической группы» в составе П. Турчина, Т. Холла, А.В. Коротаева, Л. Гринина, С.В. Циреля, Д.А. Халтуриной и некоторых других историков (в том числе и автора этих строк). В частности, непосредственным продолжением исследований Дж. Голдстоуна стала изданная в Принстоне монография П. Турчина и С.А. Нефедова [Turchin P., Nefedov, 2009] и монография А.В. Коротаева, А.С. Малкова и Д.А. Халтуриной [Коротаев, Малков, Халтурина, 2005].

В работах «клиодинамической группы» изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей. Математическое моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла кратковременных климатических колебаний, неурожаяев, стихийных бедствий. Оно показывает, что фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна, и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой неурожай или нарушающее хозяйственную жизнь вторжение врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям. Д. Григг отмечает, что неурожай и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда население не имело запасов продовольствия и было ослаблено постоянным недоеданием – то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения [Grigg, 1980, p. 283].

При позитивном восприятии демографически-структурной теории в целом, некоторые историки указывали на необходимость учета, кроме демографической динамики, и других важных факторов. В частности, Ч. Даннинг, обсуждая вопрос о перспективности применения демографически-структурной теории, указывает на важное влияние технологического фактора [Dunning, 1998].

Идея о том, что техника и технология определяют социальную структуру и общественные отношения высказывалась многими историками и экономистами. Прежде всего, речь идет о роли технологических революций и великих, фундаментальных, открытий. Фундаментальные открытия – это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями, в современной терминологии, это открытия, расширяющие экологическую нишу народа или государства и способствующие росту потребления и увеличению численности населения. Это могут быть достижения в области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть новое оружие или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фундаментальных открытий можно рассматривать также новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях, например, освоение металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия – железных мечей.

Очевидно, что технологический фактор непосредственно влияет на демографическую динамику и социальное развитие общества. С одной стороны, фундаментальные открытия расширяют экологическую нишу, с другой стороны, они могут вызывать трансформации структуры «государство-элита-народ» и вызывать масштабное перераспределение ресурсов между элементами этой структуры.

Обычно отмечают две глобальные общественные трансформации, вызванные «аграрной» («неолитической») революцией, породившей традиционное общество земледельцев, и «промышленной» революцией, обусловившей переход от традиционного к индустриальному обществу. Что касается менее значимых трансформаций внутри традиционного общества, то их связывают, в основном, с военными достижениями, то есть с фундаментальными открытиями в военной сфере. В свое время Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев [Вебер, 2001, с. 228]. Аналогичным образом, Линн Уайт объясняет становление феодализма появлением стремени, которое сделало всадника устойчивым в седле и обусловило господство на поле боя тяжеловооруженных рыцарей [White, 1962, p. 3–38].

Отталкиваясь от этих положений, известный востоковед И.М. Дьяконов создал теорию военно-технологического детерминизма, в которой каждая фаза исторического развития характеризуется изменениями в военной технологии [Дьяконов, 1994]. Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом обосновывает известный французский социолог Доминик Кола [Кола, 2001]. Наиболее разработанной из теорий технологического детерминизма является созданная Майклом Робертсом теория «военной революции» [Roberts, 1967].

Основная идея М. Робертса состоит в том, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это – историческая банальность, – писал М. Робертс, – что революции в военной технике обычно приводили к широко разветвленным последствиям. Появление конных воинов (точнее, колесничих – С.Н.)... в середине II тыс. до н.э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV веке христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни – все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества» [Roberts, 1967, p. 195].

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций – революцию середины XVII в. Эта революция была связана, прежде всего, с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Шведский король Густав Адольф (1611–1632), осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья – и преступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии. Эти работы продолжались более десяти лет, и, в конце концов, в 1629 г. была создана легкая «полковая пушка», «regementsstycke» [Там же, 1958, p. 232]. «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты – и таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. «Это была фундаментальная инновация», – писал М. Робертс [Там же, 1967, p. 195].

«Полковая пушка» стала «оружием победы» шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Создание полковой пушки и одновременное появление облегченных мушкетов привели к революции в военной тактике и стратегии [Там же, 1958, p. 231, 248].

Громкие победы шведской армии вызвали заимствование шведских военных и социальных инноваций, прежде всего, в государствах, терпевших поражения в борьбе со Швецией, – в германских княжествах, в империи Габсбургов, в Дании, в России. Государства, не сумевшие перенять оружие противника, как показывает опыт Польши, в конечном счете, ждала гибель. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «военно-бюрократическим абсолютизмом» [Downing, 1992, p. 3]. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение [Roberts, 1967, p. 213].

Таким образом, в ходе военной революции, во-первых, происходила трансформация структуры – государство превращалось в абсолютную монархию, оно

усиливалось включением нового компонента, регулярной армии, прежнее элитное рыцарское ополчение теряло свою роль, а элита становилась в подчиненное положение к государству. Во-вторых, происходило масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб народу, что часто приводило к структурным кризисам. Мы говорили выше, что демографически-структурная теория часто не может объяснить причины трансформаций структуры и последующих структурных кризисов – теперь мы видим, что, по крайней мере, часть таких кризисов объясняется через посредство теории военной революции. Таким образом, теория военной революции представляет собой необходимый дополнительный инструмент при изучении исторического процесса с использованием демографически-структурной теории.

Во второй половине XX в. теория «военной революции» стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы в раннее Новое время. Однако, как отмечал М. Робертс, военная революция XVII в. была лишь одной из многих военных революций, и, в принципе, созданная им теория может распространяться и на другие периоды истории.

При рассмотрении того влияния, которое те или иные технические инновации оказывают на исторический процесс, чрезвычайно важен анализ механизма их распространения. Процесс заимствования и распространения инноваций традиционно изучается в рамках концепции, именуемой диффузионизмом. Наиболее четко идеи диффузионизма сформулированы в так называемой «теории культурных кругов» – историко-этнологической концепции, весьма популярной в 20-х и 30-х гг. XX столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра [Graebner, 1911]. Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате фундаментальных открытий в технике и технологии. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя это преимущество, народ-первооткрыватель подчиняет окружающие народы и передает им свою культуру, таким образом, образуется культурный круг – область распространения данного фундаментального открытия и сопутствующих ему культурных элементов. С другой стороны, чтобы устоять перед натиском завоевателей, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать их оружие. В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т.д. Перед волной завоеваний движется волна диффузии; заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу. В странах, присоединившихся к новому культурному кругу, протекает сложный процесс культурного и социального синтеза, взаимодействия привнесенных извне культурных элементов с традиционными порядками, этот процесс иногда прерывается периодами традиционалистской реакции.

Как отмечалось выше, фундаментальные открытия, как правило, совершаются один раз и в одном месте. Теоретически, конечно, возможно, что фундаментальное открытие, породившее данный культурный круг, будет конвергентно повторено в другом месте, но в реальности вероятность такого события близка к нулю: быстрота распространения информации об открытии не оставляет времени для его независимого повторения. В традиционном обществе чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, которое порождает волну завоеваний. Распространение волны завоеваний связано с демографическими катастрофами; нашествие обрывает демографические циклы в завоеванных государствах, и социальный синтез происходит в фазе роста нового цикла.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких, как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т.д.

Классическим изложением истории человечества с позиций диффузионизма является известная монография Уильяма Мак-Нила «Восхождение Запада» [McNeill, 1963]. Важно отметить, что У. Мак-Нил говорит о тех же военно-технических открытиях, что и М. Робертс: о изобретении боевой колесницы в середине II тыс. до н.э., о появлении стремян в IV в. н.э. и т.д., и описывает вызванные этими военными революциями последствия, в частности, распространение порожденных ими волн завоеваний. Однако в «Восхождении Запада» У. Мак-Нил уделяет основное внимание процессу распространения инноваций и не объясняет, почему те или иные открытия в военной или производственной сфере повлекли определенные изменения в сфере социальной и политической. В более поздней монографии, «В погоне за мощью» [Там же, 1982], У. Мак-Нил касается этого вопроса более подробно, описывая «военную революцию» XVI–XVII вв. и ссылаясь на исследования М. Робертса, Г. Паркера и других теоретиков «военной революции». Таким образом, мы видим, что диффузионизм в версии У. Мак-Нила включает в себя теорию «военной революции». Более того, при рассмотрении социально-экономических кризисов XVII и конца XVIII вв. У. Мак-Нил использует элементы неомальтузианского подхода и ссылается на Ф. Броделя [Там же, р. 102, 143]. Хотя этому сюжету в книге У. Мак-Нила посвящено лишь несколько страниц, он имеет принципиальное значение, так как содержит идею анализа исторического процесса как результата взаимодействия демографического и технического факторов – и соответственно, идею теоретического синтеза неомальтузианства и диффузионизма.

Таким образом, мы можем говорить о становлении новой концепции развития человеческого общества.

В этой концепции внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются волны завоеваний, порожденных совершенными в той или иной стране фундаментальными открытиями. За этими завоеваниями следуют демографические катастрофы, социальный синтез и трансформация структуры, в ходе которой рождается новое общество и новое государство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев П.В. Социальная философия. М.: Проспект, 2005. 256 с.
2. Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. 270 с.
3. Вебер М. Аграрная история древнего мира. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 560 с.
4. Дьяконов И.М. Пути истории. М.: Восточная литература, 1994. 382 с.
5. Кола Д. Политическая социология. М.: Весь мир; ИНФРА-М, 2001. 406 с.
6. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2005. 344 с.
7. Мальтус Т.П. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М.: Эконом, 1993. С. 5–136.
8. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 539 с.
9. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. 141 с.
10. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М.: Госполитиздат, 1955. 339 с.
11. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. М.: Логос, 2002. 656 с.
12. Уколова В.И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1996. С. 5–12.
13. Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13 bis zum 19. Jahrhundert. Berlin: Paul Parey, 1935. 175 s.
14. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T. 1–3. Le temps du monde. Paris: Colin, 1967–1979.
15. Braudel F., Labrousse E. Histoire économique et sociale de la France. 4 v. in 8. Paris, Presses universitaires de France, 1970–1982.
16. Cameron R. Economic History, Pure and Applied // Journal of Economic History. 1976. Vol. 36. № 1. P. 3–28.
17. Chauu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1970. 706 p.
18. Cippolla C. M. Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000–1700. London: Vision P, 1967. 229 p.
19. Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. 308 p.
20. Duby G. Rural economy and country life in the medieval West. London: Edward Arnold, 1968. 600 p.
21. Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? // Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39. № 3. P. 572–592.
22. Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // Russian History. 1998. Vol. 25, № 1–2. P. 119–131.
23. Glass D.V., Eversley D.E. Population in History. London: Edward Arnold, 1965. 692 p.
24. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. London: University of California Press, 1991. 608 p.

25. *Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle. Paris: S.E.V.P.E.N., 1960. 653 p.
26. *Graebner F.* Methode der Ethnologie. Heidelberg: C. Winter, 1911. 192 p.
27. *Grigg D.* Population Growth and Agrarian Change. New York: Cambridge University Press, 1980. 340 p.
28. *Huxley A.* Brave new world, and Brave new world revisited. London: Harper, 1960. 147 p.
29. *Le Roy Ladurie E.* Les paysans de Languedoc. Vol. 1. Paris: S.E.V.P.E.N., 1966. 745 p.
30. *McNeill W.* The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. Chicago: University of Chicago Press, 1982. 405 p.
31. *McNeill W.* The rise of the West: a history of the human community. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 829 p.
32. *Meuvret J.* Les Crises de subsistances et la démographie d'Ancien Régime // Population. 1946. N° 4. P. 643–650.
33. *Mousnier R.* Les XVIe et XVIIe siècles; la grande mutation intellectuelle de l'humanité, l'avènement de la science moderne et l'expansion de l'Europe. Paris: Presses universitaires de France, 1965. 686 p.
34. *Postan M. M.* The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100–1500. London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. 261 p.
35. *Roberts M.* Essays in Swedish History. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1967. 358 p.
36. *Roberts M.* Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1625–1632. London, New York: Longmans, 1958. 820 p.
37. *Slicher van Bath B.H.* The Agrarian History of Western Europe F.D. 500–1850. London: Edward Arnold, 1963. 360 p.
38. *Turchin P., Nefedov S.* Secular cycles. Princeton: Princeton University Press, 2009. 349 p.
39. *White L.* Medieval Technology and Social Change. Oxford: Clarendon Press, 1962. 194 p.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и социальных технологий УрФУ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе, Военно-исторической Академии России, Академии инженерных наук, Почетный работник высшего профессионального образования, член Союза журналистов России (специальность 07.00.02)